

«ИСТИННО НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ»

Вся моя судьба как кинорежиссера началась с Шолохова, с его рассказа «Судьба человека». Когда рассказ был впервые опубликован в «Правде», я решил для себя, что должен экранизировать его и сыграть роль Андрея Соколова. И тот успех, который выпал на долю фильма, прежде всего, конечно же, связан с огромной силой первоисточника, с философской и мировоззренческой глубиной шолоховской прозы.

«Судьба человека» стала для меня настоящей школой художественного постижения народной жизни. В период съемок, которые велись неподалеку от станции Вёшенской, мне выпало счастье подолгу беседовать с Михаилом Александровичем. Он вводил меня в круг жизненного материала, и это были удивительные рассказы о земле и земляках писателя, о кратоте человека и его поступках...

Мне вспоминается еще одна встреча с Шолоховым — это было много позже, когда шла работа над лентой «Они сражались за Родину». Мы побывали у Михаила Александровича вместе с Василием Шук-

шинным, Иваном Лапиковым и Юрием Никулиным. Зашел разговор о правде в искусстве, и вот тогда Шолохов произнес фразу, которая во многом стала для меня программной: «Трудно писать правду, — сказал он, — но еще труднее найти истину». Постигнутая на основе огромного жизненного и творческого опыта, эта мысль удивительно переключается со знаменитым высказыванием Белинского, определившего искусство как «непосредственное созерцание истины».

Иногда меня спрашивают: почему после «Войны и мира», «Ватерлоо» я вернулся к экранизации шолоховской прозы? Дело в том, что мне как режиссеру и, что еще более важно, как человеку необычайно близко то, о чем он пишет, как пишет, а главное — для кого. В юности я жил и учился в Ростове-на-Дону, потом, в войну, солдатом я видел землю и людей, ставших шолоховскими героями, они навсегда запечатлелись в моей памяти — мне не нужно было никаких творческих командировок, чтобы изучать все это. При встречах Михаил Александрович Шолохов сам знако-

мил меня с теми, кто вошел в его книги, с кем он связал свою судьбу писателя и человека. Связал не на дни, не на годы, а на всю жизнь.

Эта связь, как мне кажется, и есть главное, что делает творчество Шолохова истинно народным, а значит — верным. О народности искусства много говорят и спорят. Шолохов — народный писатель, таким его делает глубочайшее погружение в предмет, постижение жизни.

В 1981 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла моя книга «Желание чуда». Сейчас она готовится к переизданию, и целая глава в ней посвящена Михаилу Александровичу Шолохову, большому человеку и большому писателю. Работать так, как он, — значит приблизиться к самому высокому искусству. Книги Шолохова всегда в бою, они несут правду и истину. Такая литература будет жить долго, помогая не только нам сегодня, но и многим грядущим поколениям.

Записал А. ПЕРОВ.

Кадр из фильма «Судьба человека».

КНИГИ ВДОХНОВЛЯЮТ

Я счастлив тем, что мне довелось трижды участвовать в экранизации произведений замечательного советского писателя М. А. Шолохова.

Когда в 1957 г. режиссер С. А. Герасимов пригласил меня написать музыку к кинофильму «Тихий Дон», я поначалу даже растерялся. Слишком уж велико было мое волнение — отразить в музыке величие образов бессмертного романа! По силам ли мне это?

Однако доброжелательность, мягкость С. А. Герасимова, его удивительно тонкое и точное понимание музыкальных задач сделали свое дело, и я с головой окунулся в работу.

Я ездил в экспедиции с киногруппой, присутствовал на съемках. Мы слушали и записывали много казачьих песен, интонации которых потом ложились в основу музыки.

Конечно, не автору судить, удалась ли ему музыка в картине. Могу лишь сказать, что я отдавал все силы этой работе, вдохновляясь прекрасными строками романа.

Через некоторое время ленинградский режиссер А. Г. Иванов попросил меня написать музыку к третьей серии кинофильма «Поднятая целина». Опять я встретился с близкими моему сердцу героями, опять столкнулся со ставшими для меня органичными интонациями музыки донских казаков.

А когда еще через некоторое время режиссер В. В. Монахов предложил мне написать музыку к кинофильму «Чужая кровь», то одноименному рассказу М. А. Шолохова, я, конечно, с радостью согласился.

В наши дни много спорят об экранизации литературных произведений. Мне кажется, что фильмы «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Чужая кровь» образцы творческого и вместе с тем бережного отношения к первоисточнику.

Сейчас, поздравляя М. А. Шолохова со знаменательной датой — пятидесятилетием творческого труда, хочу низко поклониться выдающемуся писателю за радость, которую он дарит людям его творения, и за то, что, как композитор, имел возможность соприкоснуться с его талантом и вложить каплю своего труда в экранизацию его произведений.

Юрий ЛЕВИТИН,
народный артист
РСФСР, лауреат
Государственной
премии СССР.

Писатели мира

о Шолохове

АНДРЕ ВЮРМСЕР
(Франция)

«Лично немногие выдающиеся произведения искусства так глубоко продуманы, так мудро построены, как «Тихий Дон». И так удивительно написана эта книга».

ЯРОСЛАВ ИВАШКЕВИЧ
(Польша)

«На... гармонии слова с правдой человеческого переживания и с правдой картин природы выжидается проникновенный реализм Шолохова».

МАРТИИ ЛАРНИ
(Финляндия)

«Популярность Шолохова в Финляндии исключительна. Его любят как большого художника, сумевшего воплотить в слова живую душу. Главный герой его произведений — сама правда, а в правде трудно найти хоть тень ложного героизма или сентиментальной идеализации. Жизнь он видит и воспринимает как реалистическую драму, в которой главная роль отведена человечности».

ДЖЕК ЛИНДСЕЙ
(Англия)

«Перечитывая замечательные романы Шолохова, всякий раз заново восхищаясь их ярким и мощным совершенством, я задавал себе вопрос: что же делает их столь явно не похожими на любой из романов, написанных ранее?»

Произведения Шолохова — в особенности «Тихий Дон» — отмечены громадной эпической широтой...».

Материал подготовил
С. МЕДВЕДЕВ.

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ ТОГДА

Был великолепный апрельский денек.

Солнце беспощадно светило в иллюминаторы каюты каюты журнала «Комсомолия». Дела секретаря, кажется, все были закончены, и я собирался закончить работу. Редакторы в редакции не было. Открылась дверь, и вошел еще один посетитель, приземистый юноша, в пальто, выдавшем вид, нахватавшись на затылок мятой кубанка.

— Кому тут можно сдать рукопись?

— Поскольку я тут один, значит, мне — ответствовал я.

— А ты кто тут будешь?

— Как кто? Человек. Комсомолец к тому же.

— Да я в смысле должности, — как-то неуверенно произнес юноша в кубанке.

— А, должность... Я тут исполняю обязанности секретаря редакции, — пояснил я.

Значит, ответственный, улыбнулся юноша, — значит, тебе можно вручить...

— Стихи? — уверенно спросил я, потому что большинство начинающих принесли стихи.

Нет, рассказ.

— Ну давай твой рассказ.

Посетитель извлек из бокового кармана пальто рукопись, свернутую в трубочку, и положил на стол.

— Только я хочу, чтобы ты сейчас же прочитай, — сказал он, — чтение: пойдет рассказ в журнал или не пойдет?

— Ну пойдет рассказ или не пойдет, — сам я решил не могу, у нас ведь редаклегия, она и решает. А прочитает рассказ могу.

Я тут же принялся за чтение рассказа. Рассказ мне понравился, написан грамотным, сочным языком, хорошо по сюжету, интересен по содержанию.

— Вот что, дорогой, — я уже другим глазами смотрел на автора, — позовонок-ка я сейчас Жарову, может, вопрос о принятии или непринятии рассказа и решится сейчас. Номер журнала в основном-то уже утвержден, но хороших рассказов в нем нет.

— С Жаровым я знаком по «Юношеской правде», — сказал автор рассказа, — он отвечал на мои письма.

— Вот и хорошо! Я позвоню Жарову.

Саша, тут один приезжий автор принес рассказ, на мой взгляд, вполне подходящий для первого номера.

— Кто автор? — услышалось в трубке. — Известный? Где печатался?

— Он говорит, что зна-

ком с тобой по переписке из «Юношеской правды». Подпись под рассказом М. Шолохов.

— Шолохов Миша? Да, я писал ему одно или два письма — по поводу пришедших рассказов в «Юношескую правду». Парень общает талантливый автором. Раз ты прочел рассказ и тебе он понравился, отсылай в набор. Я прочту в гранках.

Думал ли я, принимая рассказ начинающего автора, что пройдет двести лет, и этот автор будет писателем с мировым именем, что он будет близким другом в моей московской юности, что этому писателю с мировым именем, живущему в станице Вёшенской с теплой и доброй душой, я пошлю одну из своих книг и получу в ответ краткую, но теплую телеграмму: «Книгу получил. Спасибо, старый друг, Шолохов». Эта телеграмма бережно хранится в моем альбоме писем друзей — писателей ко мне, рецензий на мои книги.

На стене, над моим письменным столом, висит эта фотография, на ней запечатлены три очень молодых человека: первый, с трубкой в зубах (таким он и пришел ко мне в редакцию), — Михаил Шолохов, второй тоже начинающий, паренек из Онежских лесов, студент Государственного института журналистики, Георгий Шубин и третий — автор этих строк, тоже студент ГИЖ, назвавшийся тогда на практике в редакции «Комсомолия».

Первому номеру журнала «Комсомолия» от роду 58 лет. Столько же и фотоснимку, что на стене.

МНЕ в этом году стукнуло 80 лет. И вот сейчас, глядя на журнал, на фотография, на трубку-носотрепку, с высоты своих восьми десятиков лет я мысленно смотрю в те далекие двадцатые годы, годы нашей комсомольской юности, и с грустью шепчу:

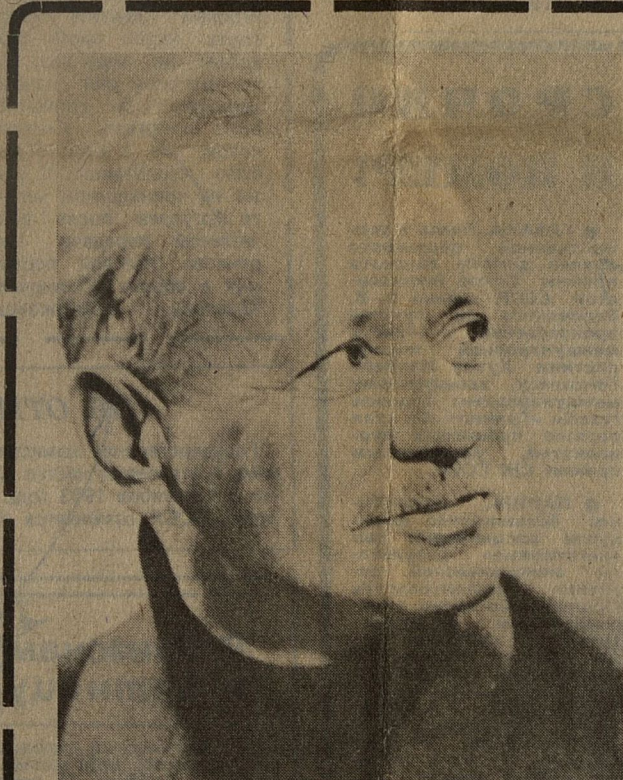
— «Как мы были молоды тогда!».

Мне б с молодыми москвичами Памира пик покорять. Но восемьдесят лет — за плечами.

Что ни толкуч, — не двадцать пять...

А сфотографировал нас такой же юный, как и мы, «три мушкетера», фотокорреспондент «Крестьянской газеты» Виктор Темин, тот самый Темин, что, спустя полвека, с самолета сфотографировал момент водружения нашего Красного знамени на крыше поверженного фашистского Рейхстага.

Иван МОЛЧАНОВ.

БОГАТЫРСКИЙ ШОЛОХОВ ИДЕТ

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

И вот в номере от 15 марта в нашей газете по-

— Ты предлагаешь печатать его?

— Нет, пока не предлагаю. Напечатать в «Почтовом ящике» (был такой отдел в газете) ответ этому Шолохову, похвалю его и попрошу доработать хорошенько...

УВИДЕТЬ ГЕРОЕВ ЖИВЫМИ

О работе над иллюстрациями к книгам Шолохова рассказывает народный художник СССР, член-корреспондент Академии художеств, лауреат Государственной премии СССР ОРЕСТ ВЕРЕЯСКИЙ.

ТИХИЙ ДОН — эпическое произведение. В нем вскрывается огромный пласт жизни. Огромный по времени, огромный по охвату территории, огромный по сплетению человеческих судеб, наконец, огромный по своей значимости в истории. Лишь кисть Шолохова могла написать такое полотно.

Размышляя над этим, я пришел к выводу, что проблему иллюстрации романа можно решить серией страничных, почти станковых рисунков. По-первых, такие рисунки вмещают в себя сложные многофигурные композиции. Во-вторых, вы-

бирая сюжеты для иллюстраций, я наметил несколько подлинных исторических эпизодов, и такие рисунки, оставаясь связанными с содержанием книги, приобретают художественную самостоятельность. Крупные станковые рисунки соответствуют эпическому духу «Тихого Дона».

Позже, иллюстрируя другой роман писателя — «Поднятая целина», я вновь остановился перед выбором манеры художественного оформления. И здесь передо мной в который раз раскрылись новые черты прозы Шолохова: необычайная от-

точенность, меткость языка и динамичность повествования. Это продиктовало мне характер рисунку. В «Поднятой целине» они максимально приближены к тексту в прямом и в переносном смысле. Иллюстрации расположены на полях параллельно тексту. Кроме того, линия рассказа, которую я веду средствами графики, почти так же непрерывна, как и авторская линия повествования.

И еще однажды я по-новому взглянул на его произведения. На этот раз писатель предстал предо мной великодушным художником-пейзажистом. И что самое интересное, его творческая концепция в изображении пейзажа совпала с моей. Я сторонник эмоционального на-

чала в графике. И у Шолохова природа слита воедино с человеком, передает его чувства, переживания. Вот почему мне так дороги эти «эмоциональные пейзажи», вот почему работал я над ними с таким увлечением.

Вспоминаю работу над иллюстрацией «Наталья и Ильичина перед грозой». Это потрясающая по драматическому накалу сцена. Душа Натальи и природа слились в одном порыве, они смятены, что-то вот-вот оборвется, рухнет. Тут все едино: и раскаты грома, и несущиеся по небу тучи... Здесь, мне кажется, я приблизился к пониманию Шолохова.

А ЗАТЕМ опять и опять были встречи с писателем, вновь открывал я его книги: «Донские рассказы», «Наука ненависти», «Судьба человека», «Они сражались за Родину». И каждый раз,

иллюстрируя то или иное произведение, я продолжал открывать в Шолохове что-то новое, что-то свое, непостижимое, кажется, только для

меня одного. И этим я пытался поделиться с читателем. Если мне хоть в какой-то мере удалось обогатить его видение мира Шолохова.

Из иллюстраций Ореста Вереяского к «Тихому Дону» Шолохова.

Из иллюстраций Ореста Вереяского к «Тихому Дону» Шолохова.

Из иллюстраций Ореста Вереяского к «Тихому Дону» Шолохова.

Из иллюстраций Ореста Вереяского к «Тихому Дону» Шолохова.

Из иллюстраций Ореста Вереяского к «Тихому Дону» Шолохова.

Из иллюстраций Ореста Вереяского к «Тихому Дону» Шолохова.

Из иллюстраций Ореста Вереяского к «Тихому Дону» Шолохова.

языке вот уже в течение более сорока лет; он занимает почетное место среди классиков европейской литературы. Очарованию его прозы покорны все возрасты и в моей стране, и в Советском Союзе».

Александр ЖАРОВ.

Александр ЖАРОВ.

Александр ЖАРОВ.

Александр ЖАРОВ.

Александр ЖАРОВ.

Александр ЖАРОВ.

Александр ЖАРОВ.

Александр ЖАРОВ.

то я считаю свою задачу выполненной.

Материал подготовил
С. МЕДВЕДЕВ.

Материал подготовил
С. МЕДВЕДЕВ.

Материал подготовил
С. МЕДВЕДЕВ.

Материал подготовил
С. МЕДВЕДЕВ.

Материал подготовил
С. МЕДВЕДЕВ.

Материал подготовил
С. МЕДВЕДЕВ.

Материал подготовил
С. МЕДВЕДЕВ.

Материал подготовил
С. МЕДВЕДЕВ.